

ИЗ "МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ О Н. А. НЕКРАСОВЕ И ЕГО БЛИЗКИХ"

... Жизнь в Карабихе текла крайне однообразно. Знакомых у нас почти никого не было. Дворян-помещиков отец не любил, считал их кутилами. Он вел совершенно отдельную от семьи жизнь, редко появляясь в общей столовой среди детей, вся жизнь его проходила в кабинете. Моя мать, умершая очень рано, когда мне было около пяти лет, и которую я смутно помню, а затем вторая его жена - моя мачеха --добрейшая Наталья Павловна, все свое время проводили с детьми. При таком однообразии всякое событие для нас, детей, имело огромное значение, такое же, как приезд из Петербурга дяди Николая Алексеевича, являлось настоящим праздником. Особенно бывали мы рады не только предстоящему свиданию с дядей, сколько приготовлениям, начинавшимся задолго до приезда и всей этой предшествовавшей ему суматохе. Спешно приводили в порядок флигель Николая Алексеевича, выносили и чистили мебель, ковры, ружья и другие принадлежности охоты. Из охотничьей дачи в Чудове привозили собак и с ними приезжали охотники. В назначенный день в Ярославль на вокзал посылались лошади и приезд совершался. Вспоминается рассказанный мне отцом случай с ярославским исправником, каковым в это время был некто К- из местных помещиков, ума небольшого, но добродушный человек и питавший слабость к своему земляку - Некрасову. Зная о дне приезда поэта, К. в парадной форме явился на вокзал и среди других радостно приветствовал его. Вызванный через несколько дней губернатором и спрошенный, на каком основании исправник встречает революционного писателя, когда ему полагается встречать генералов, К. ответил: "То, ваше превосходительство,-- генералы по службе, а Некрасов - по уму". Разумеется, в очень скором времени К. был уволен за вольнодумство.

С Николаем Алексеевичем приезжала его будущая жена Зинаида Николаевна. Нас, детей, приводили здороваться, Николай Алексеевич встречал нас словами: "Здорово, хлопцы", - и, обращаясь к старшим, просил приводить нас к нему во флигель почаще. Наружность его была невзрачная. Небольшого роста, худощавый, с желтым болезненным цветом лица, с бородкой клином; голос слабый и хриплый, но задушевный и очень добрые глаза. Мы часто видели его гуляющим в парке со своими охотничьими собаками - черным пойнтером Кадо и ирландским сеттером Правдой. В халате, в феске с кисточкой, в туфлях на босую ногу, с неизменными свистком и цепочкой для собак, он грустно ходил по аллеям парка и редко присаживался. Детей он любил, завидя нас, ускорял шаги, а подходя к нам, говорил: "Дайте мне на них посмотреть". Но нас быстро уводили, чтобы не мешать ему.

Сюда же в парк приходили к нему крестьяне из соседних деревень, большей частью охотники, но разговоры были разные, многие спрашивали советов о своих крестьянских делах, а больных он отсылал в дом к Зинаиде Николаевне.

Из этих же крестьян-охотников, когда захворал его любимый камердинер Василий Матвеев и не мог ему более служить, он взял на его место крестьянина деревни Черемисино Никанора, который служил ему до смерти. <...>

Жизнь Николая Алексеевича в Карабихе не сливалась с нашей общей жизнью. Он жил замкнуто; как и отец, ни с кем не поддерживал знакомства, часто уезжал на охоту. И отъезды и возвращения с охоты также были для нас, детей, немалым развлечением. Помню, как приносили к нам от дяди большие подносы с наложенной на них дичью, главным образом болотной - длинноносыми бекасами и дупелями.

Иногда навещали Николая Алексеевича его знакомые по Петербургу, большей частью литераторы и артисты. Из таких приезжих гостей я помню А. Н. Островского, И. Ф. Горбунова, Д. В. Григоровича и М. Е. Салтыкова. Последний своим сердитым видом, большой бородой и грубым голосом производил на меня особенно сильное впечатление.

Из слуг Николая Алексеевича, кроме названных, я припоминаю охотника Ефима Ивановича, по прозвищу Солнышко¹, который был доезжачим еще у деда моего Алексея Сергеевича, и кучера Костю Миляева, с которым он любил ездить.

Девяти лет меня отдали в московскую частную гимназию Л. И. Поливанова. Гимназия эта была избрана по настоятельному совету Николая Алексеевича² и была действительно лучшей. В следующем 1877 году, когда Николай Алексеевич был уже безнадежно болен, осенью в Москву приехал отец и отвез меня в Петербург, где поселил у тетки моей Анны Алексеевны Буткевич. У Николая Алексеевича, как известно, не было детей, и он не раз высказывал отцу, имевшему большую семью, желание усыновить меня; этим и объяснялась моя поездка. Помню, -когда мне сказали, что я буду жить у дяди в Петербурге, а не в Карабихе, я плакал и отказывался. Но проекту этому не суждено было осуществиться; болезнь дяди все усиливалась, и в декабре он скончался.

Примечания

Некрасов Александр Федорович (1866--1941) - племянник поэта. А. А. Буткевич перед смертью передала ему права издания сочинений брата.

Воспоминания А. Ф. Некрасова написаны к 60-летию со дня смерти поэта.

Печатается впервые по авторизованной машинописи (ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 92, лл. 2--4).

¹ Стр. 405. По-видимому, речь идет о крестьянине Кузьме Ефимовиче Солнышкове. Его воспоминания см. на стр. 407.

² Стр. 405. Некрасов в августе 1875 г. вел переговоры о поступлении А. Ф. Некрасова в гимназию. См. XI, 368.